

Научная статья
УДК 070:93/94 (571.1)
doi: 10.17223/15617793/484/5

«Захолустно-провинциальные очерки» Ranunculus (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1882–1884 гг.)

Александр Евгеньевич Мазуров¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*
rumatamonteg@gmail.com

Аннотация. Выявляются содержательные и стилистические особенности очерков Ф.В. Волховского, опубликованных в «Сибирской газете» под псевдонимом Ranunculus. Анализируется тематическое разнообразие материалов, рассматриваются ключевые для очерков образы «Захолустья» и «маленького человека». Делаются выводы о том, что содержание очерков, как и образ Сибири, разделяется на сатирическое описание жизни местных «мастодонтов» и полное сочувствие повествование о жизни «маленького человека».

Ключевые слова: Ф.В. Волховский, Ranunculus, «Сибирская газета», очерк, рассказ

Источник финансирования: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования: Мазуров А.Е. «Захолустно-провинциальные очерки» Ranunculus (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1882–1884 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 42–51. doi: 10.17223/15617793/484/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/5

“Provincial essays” by Ranunculus (Feliks Volkhovsky) in *Sibirskaya gazeta* (1882–1884)

Alexandr E. Mazurov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
rumatamonteg@gmail.ru

Abstract. The article reveals the features of content and style of essays by Feliks Volkhovsky, who published them in *Sibirskaya gazeta* under the pseudonym Ranunculus. The thematic variety of the materials is analyzed; the images of “outback” and “little man”, key to the essays, are considered. The first private *Sibirskaya gazeta*, published in Tomsk in 1881–1888, was the leading regional publication. It had a socio-political program, but at the same time was characterized by researchers as a “literature-centric” periodical. Over the eight years of existence, 355 literary and literary-journalistic materials were published in *Sibirskaya gazeta*. More than 100 of them were written by Volkhovsky, a Narodnik [populist] poet exiled to Siberia and the “secret editor” of the newspaper. During the period of cooperation with *Sibirskaya gazeta*, Volkhovsky most often wrote feuilletons – 76 pieces were published. His fictionalized materials were essays thematically and stylistically close to feuilletons – six texts. The aim of the study is to identify the features of content and style of the essays Volkhovsky published under the pseudonym Ranunculus. The “provincial essays” were published in 1882–1884 and are the only fully literary prosaic works by Volkhovsky in the newspaper. Essays published under the pseudonym Ranunculus in *Sibirskaya gazeta* are represented by two key thematic layers: the image of a “little man” and the description of human indifference, and the satirical image of the “outback” as a collective image of Siberia, a demonstration of the customs of the local people. In the framework of the holistic perception of Volkhovsky’s essays, these layers are conflicting: a contrast is created between the tragedies of local “predators” and “little men”, small squabbles and series of events leading characters to death. In Ranunculus’ essays, the key image is that of the Siberian “outback”, consisting of grotesque and realistic plans. Initially, Volkhovsky constructs the image of an “outback” as a village and province with fairy-tale motifs and characters, referring the reader to the city Glupov and the “urban” stories by Gogol. The second key motif for publicist is the existence of a “little man” in the “outback”. Volkhovsky contrasts images of “mastodons” that personify their inner emptiness with images of people that have not completely lost their humanity, whose life circumstances, in the end, lead to death.

Keywords: Feliks Volkhovsky, Ranunculus, *Sibirskaya gazeta*, essay, story

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation: Mazurov, A.E. (2022) "Provincial essays" by Ranunculus (Feliks Volkhovsky) in *Sibirskaya gazeta* (1882–1884). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 42–51. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/5

Введение

Важное место в дореволюционной системе ответственной периодической печати занимали художественные и художественно-публицистические жанры, литературная критика. Публицисты и редакции общественно-политических изданий часто были нацелены не только на освещение фактов и их анализ, но и на культурное воспитание своих читателей, что подтверждается структурой газетных номеров второй половины XIX в. В большинстве периодических изданий постоянными были разделы литературной критики, театральных обзоров, очерков, рассказов и фельетонов. Часто эти жанры становились «визитной карточкой» изданий как с точки зрения выражения идиом, так и с точки зрения их художественной ценности [1].

На беллетризацию газетных номеров второй половины XIX в. также оказывал влияние и ужесточившаяся после убийства народовольцами российского императора Александра II цензурная политика [2]. Постоянное давление на редакции со стороны цензурного ведомства в конце XIX в. больше всего сказывалось на развитии провинциальной прессы, в частности периодической печати Сибири. Обращение к художественным и художественно-публицистическим жанрам – рассказам, стихотворениям, очеркам и фельетонам – позволяло публицистам указывать на существующие проблемы, критиковать явления социальной жизни [3].

Первая частная «Сибирская газета», издававшаяся в Томске в 1881–1888 гг., была ведущим региональным изданием. Издавалась газета по программе общественно-политической, но при этом характеризовалась исследователями как «литературоцентричное» издание [4]. Художественно-публицистические материалы встречались почти в каждом номере газеты: в ней публиковались стихотворения, рассказы, очерки, даже романы. Художественные элементы – диалоги, метафоры, детали – встречались даже в новостных заметках «Сибирской газеты» [5].

В газете публиковались как местные авторы – П.М. Головачев, Ф.Ф. Филимонов, так и множество других на условиях анонимности, а также сосланные в Сибирь писатели и поэты: К.М. Станюкович, Ф.В. Волховский, С.С. Синегуб и др. В газете публиковались и известнейшие в России литераторы: В.Г. Короленко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.И. Наумов [4].

За восемь лет существования в «Сибирской газете» было опубликовано 355 художественных и художественно-публицистических материалов. Больше 100 из них принадлежали сосланному в Сибирь поэту-народнику и «негласному редактору» издания Ф.В. Волховскому [6]. В период сотрудничества с «Сибирской газетой» публицист чаще всего обращался к фельетонам – всего было опубликовано 76 материалов, которые можно отнести к данной жанровой

форме. В числе беллетризованных материалов публициста, опубликованных в издании, были тематически и стилистически близкие к фельетонному творчеству очерки, семь материалов публициста.

Цель исследования – выявление содержательных и тематических особенностей очерков, опубликованных Ф.В. Волховским под псевдонимом Ranunculus в «Сибирской газете». «Захолустно-провинциальные» очерки публиковались в 1882–1884 гг. и являются единственными полностью художественными прозаическими произведениями публициста в издании. Основными методами исследования являются мотивный анализ, контент-анализ, сравнительный анализ. Материалом для исследования выступают рассказы и очерки Ф.В. Волховского, опубликованные в «Сибирской газете» под псевдонимом Ranunculus.

Творчество Ф.В. Волховского довольно часто оказывалось предметом научной рефлексии исследователей, при этом большая часть научных трудов была издана в советские годы [см.: 6–13]. Исследователи советского периода чаще всего фокусировались на обзоре творчества Ф.В. Волховского периода сибирской ссылки, не обращаясь к анализу конкретных произведений публициста. Современные исследования также посвящены преимущественно рассмотрению творчества автора в контексте сотрудничества с «Сибирской газетой» [4, 14] либо фокусируются на фельетонах публициста [15–17]. Очерки и рассказы Ф.В. Волховского под псевдонимом Ranunculus рассматриваются в двух научных трудах, посвященных литературному регионализму [4] и рецепции классики в «Сибирской газете» [18].

Тематика и проблематика очерков

Под псевдонимом Ranunculus в «Сибирской газете» в 1882–1884 гг. опубликовано 7 очерков Ф.В. Волховского: «Петух» (СГ. 1882. № 40), «Женит» (СГ. 1882. № 48), «Забывтый человек» (СГ. 1883. № 13–14), «Корреспондент» (СГ. 1883. № 18), «Человек бо емь» (СГ. 1884. № 21), «Ссора» (СГ. 1883. № 31), «Отщепенцы от мира» (СГ. 1884. № 30). Очерки были посвящены различным темам и событиям, которые в большинстве своем служили обозначением пороков без конкретных обличаемых лиц или же представляли собой зарисовки, связанные с жизнью вымышленного сибирского города. Художественный вымысел служил ключевым отличием от фельетонов публициста, основной чертой которых была документальность [19].

Большинство очерков Ф.В. Волховского под псевдонимом Ranunculus обозначены в «Сибирской газете» как «захолустно-провинциальные». Два материала характеризовались автором как просто «очерки» – «Забывтый человек» (СГ. 1883. № 13–14) и «Человек бо емь» (СГ. 1884. № 21). Один очерк – «Отщепенцы

от мира» (СГ. 1884. № 30) – не определялся автором в заголовочном комплексе с точки зрения жанровой принадлежности, обозначаясь как «посвященный всем сытым».

Такое обозначение не было случайным. Тематически очерки можно разбить на три блока:

- сатирические зарисовки из жизни провинциального общества (4);
- «маленький человек» (2);
- описание негативных социальных явления без сатирической подоплеки (1).

Таким образом, к первой тематической категории относятся рассказы, характеризуемые автором как «захолустно-провинциальные очерки», в которых описываются комические явления из жизни мещан и высшего сословия. В «захолустно-провинциальных очерках» в основу ложится абсурдный сюжет, завязанный на перипетиях: в очерке «Петух» гнавшийся за петухом Протас Терентьевич случайно ударяет вместо птицы ее хозяйку, после чего в «маленьком городке Сибири» его принимают за сумасшедшего (СГ. 1882. № 40); в «Женихе» описывается неудавшаяся женитьба коллежского секретаря Елизар Елизаровича, над которым властвует экономка (СГ. 1882. № 48); «Ссора» описывает, как из-за карточной игры поругался весь город (СГ. 1883. № 31); а «Корреспондент» – как ни в чем неповинного человека обвинили в «предерзостном поступке писания в газету» (СГ. 1883. № 18). Наделенные комическим звучанием очерки данного тематического блока больше всего сопоставимы с фельетонным наследием публициста.

Несмотря на отнесение очерков «Жених» и «Петух» к данному тематическому блоку, первые материалы существенно отличаются от последующих «Корреспондента» и «Ссоры». В данных очерках уже начинает появляться образ «маленького человека», который при этом не отличается от окружающей среды и является ее частью. Например, в «Женихе» Ф.В. Волховский характеризует главного героя, описывая его физические недостатки и традиционную для «Захолустья» любовь к картам:

«Вы говорите, что у него под носом бородавка? Ну, что же, что под носом бородавка! За то он бравый на вид. Несмотря на то, что он коллежский секретарь, он положительно выглядывает надворным советником. Правда, когда он играет в карты, у него нижняя губа висит, как сольтисон в коптильне; но это не мешает ему совершенно отчетливо произносить: “пас”, или “семь без козырей”. Лысина! Пш-ш-ш! А позвольте узнать, кто из порядочных людей не имеет теперь лысины? Сам вице-губернатор с лысиной» (СГ. 1882. № 48).

Второй тематический блок, описывающий злоключения «маленького человека», вбирает в себя материалы, публикуемые Ф.В. Волховским как «очерки». К тематическому блоку относятся рассказ «Забытый человек», в котором описывается жизнь коллежского секретаря Кузьмы Протасевича, «в изношенной шинели, смиренно лавирующего среди толпы» (СГ. 1883. № 13–14); и «Человек бо есмь», где описывается день из жизни ретушера Ильи Семеновича,

оставленного в незнакомом и «враждебном» городе (СГ. 1884. № 21). Обращение к образу «маленького человека» как незащищенного от общества и жизненных обстоятельств связано, в первую очередь, с желанием публициста раскрыть существующие в «Захолустье» порядки и царящее безразличие.

Тема «маленького человека» в той или иной степени поднимается и в рассказе «Отщепенцы от мира», который обозначается как «посвященный всем сытым» и описывает один день из жизни и смерти сирот Ваньки с Акулькой (СГ. 1884. № 30). Тем не менее к данному блоку очерк не позволяет отнести акцент автора, в первую очередь, на проблеме беспризорности и отношении к сиротам в сибирских городах, а также натуралистические описательные фрагменты, не характерные для других материалов публициста.

Образ «Захолустья»

«Захолустно-провинциальные очерки» охарактеризованы так автором и из-за локации, где происходят события. «Захолустье» как место действие упоминается в трех материалах данного тематического блока. Впервые топоним появляется в очерке «Жених», при этом в самом конце материала: «Фаня вышла замуж за семинариста, ныне священника в селе Спасском, а Елизар Елизарович и теперь проживает в заштатном городке Захолустье. Федосья неограниченно и безапелляционно властвует над Елизаром Елизаровичем и всем его достоинством» (СГ. 1882. № 48).

Часто не обозначая место действия или не вводя его напрямую, Волховский как бы намекал, что черты «Захолустья» характерны для любого населенного пункта Сибири. В отличие от фельетонов Ф.В. Волховского, где чаще всего города «шифровались» по созвучию, например Томск – Содомск или путем сокращения –Б–ск вместо Бийска, М–нск вместо Мариинска – под псевдонимом Ranunculus публицист намерено избегал конкретики, демонстрируя образ сибирского быта и духовной жизни в целом:

«Кавалеры Захолустья военные и штатские, в тулупах, фраках и мундирах, в очках и без очков, завитые и вскоченные, безусые и солидные ведут своих дам на места. Многие не находят темы для разговора и только приятно улыбаются; некоторые усиленно любезничают, причем дамы немилосердно делают глазки, выставляют ноги, показывают слегка юбки, делаю изящно-фамильярные жесты и кокетничают сколько возможно. Находятся и такие, которые ведут свою даму в сосредоточенной серьезности и во все продолжении кадрили находят возможным сказать только два, три слова о производстве в гарнизоне или об “отношениях” и “предписаниях” ближайшего начальства» (СГ. 1883. № 18).

В дальнейшем публицист описывал развлечения посетителей именин: бильярд, карты, мелкие склоки и драку, а также центральное событие очерка – весть о появлении в городе корреспондента, «прогремевшую» во время застолья. В дальнейшем за корреспондента отдыхающие приняли принесшего известие об обли-

чительной заметке и «ни в чем неповинного» Семена Семеновича.

Многие последующие очерки Ф.В. Волховского не содержат привязки даже к абстрактному месту действия. Разгадать описываемый в фельетонах Волховского город можно обращаясь к биографии публициста – как политический ссыльный он находился под полицейским надзором, поэтому каждый раз, когда покидал Томск, писал прошения на имя губернатора. Точно известно, что Ф.В. Волховский в 1883 г. по прошению об «отпуске семейства» уезжал на дачу в деревню Киргизка; о других путешествиях публициста в период ссылки ничего неизвестно [20]. При этом не стоит исключать возможность воспроизведения ситуаций из корреспонденций, на которые «Сибирская газета» часто ссылалась в новостных, художественных и аналитических материалах.

Образ абстрактного сибирского города «Захолустья» складывается в очерках *Ranunculus* из нескольких коннотаций и проблемных сторон жизни: немногочисленные описания допотопных уклада и быта, демонстрация нравов местных «мастодонтов» и человеческого безразличия. Формируемый образ Сибири как «Захолустья», таким образом, проецировался автором не столько на жизненный уклад, сколько на населяющих город людей, которые в рамках очерков превращались в живых кукол.

Первый пласт «Захолустья» проявляется в описании внешних признаков провинциальной жизни города. В очерке «Петух» улица города представлена следующим образом:

«Что за прелесть – маленький городок Сибири! Домишки старые, улицы кривые, заборы сгнившие. Все разбросалось так поэтически небрежно; один дом навалился на правый угол, другой рядом с ним – совсем вперед, так что окна ушли в землю. Если вы любитель навозного запаха, то непременно поселяйтесь в таком городке: вы тут встретите компанию таких же любителей. По улицам бродят куры, индюки, утки, коровы, свиньи; всюду раздаются звонкие крики мальчишек, играющих в бабки. Солнце приветливо греет почерневшие крыши богоспасаемого городка. Все окна в домах растворены, в некоторых видны цветы» (СГ. 1882. № 40).

В описательном фрагменте «Захолустье» создает впечатление повсеместной разрухи и деревенского уклада, не обделенного своей романтикой с криками и играми мальчишек, мелькающими в окнах цветами и звуками расстроенного фортепиано. Такое описание «Захолустья» характерно для очерков, относящихся к тематическому блоку «сатирические зарисовки из жизни провинциального общества» и построенных вокруг иронического описания ситуаций.

В поздних очерках, сосредоточенных на человеческом безразличии, обращаясь к архетипу «маленького человека», Волховский почти лишает материалы «пейзажных» фрагментов, сосредотачиваясь на героях и их жизни. Например, кабак, куда периодически заходит налить водки коллежский секретарь в отставке Кузьма Протасевич, вводится автором в форме диалога с сидельцем: «– Давненько, давненько не видать

вас. Вон и бутылочка-то как будто запылчилась» (СГ. 1883. № 14). Образ города также прослеживается в очерке «Человек бо есмь» через вводимые автором перипетии: главного героя грабят в кабаке, отказываются вылечить и принять в городской больнице, выгоняют из арендованной работодателем квартиры (СГ. 1883. № 21).

«Захолустье» в тематических блоках «маленький человек» и «описании негативных социальных явления без сатирической подоплеки» превращается из провинциального маленького города в место, которое способно поглотить, растоптать слабого человека. Особенно это перевоплощение города отражается в очерке «Отщепенцы от мира». «Захолустье» в нем рисуется уже как оживленное место со снующими кругом «цилиндрами» и повсеместной суетой, отражающей безразличие по отношению к просящим милостыню сиротам:

«Главная улица и мост, ведущий на базар, были самыми оживленными частями города в утреннее время. Мои герои остановились у моста. Перед их глазами был целый калейдоскоп. Они видели, как шел священник, опираясь на свой длинный посох и поглаживая по временам свою клинообразную бороду: за ним шли две какие-то старушки с корзинками; рядом какой-то господин в цилиндре, потом чиновник с портфелем, потом какая-то барыня, потом еще несколько лиц и еще, до самого конца большой улицы. Шли вперед, шли назад» (СГ. 1884. № 30).

Описание проживающих в «Захолустье» также разделяется на два плана по тематическим блокам. В «захолустно-провинциальных очерках», вслед за абсурдностью фабулы, обрастают гротескными чертами и населяющие город персонажи. В очерке «Петух» дается характеристика жителям города, которые высунулись поглядеть на чужака из окон:

«И что за милые отношения между жителями городка. В вас принимают горячее участие, вами интересуются, об вас знают все, что бы с вами не случилось. Даже вещи самые сокровенные как-то становятся известными.

– Ах, Глаша, представь себе: Петр Иванович сегодня спал без одеяла! Только ты не говори, что я тебе сообщила.

– Да откуда ты знаешь?

– Да знаю. Уж верно знаю; мне рассказывала Авдотья Федоровна» (СГ. 1882. № 40).

Часто сюжет ранних очерков выстраивался непосредственно вокруг «захолустных» сплетен: в «Петухе» героя признали сумасшедшим; в «Корреспонденте» видели «доносителя» в принесшем номер газеты; в «Соре» из-за карточный игры переругался весь город; и все гипертрофированные последствия были вызваны молвой и догадками. Такая фабула во многом отсылает к циклу повестей «Миргород» и «петербургским повестям» Н.В. Гоголя, где мотив молвы – «летучих вестей» и «сенсаций» – также провоцирует появление в городе «суматошных ситуаций» [21].

Примером может выступить очерк «Жених» (СГ. 1882. № 48), являющийся отсылкой к гоголевской «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Ива-

ном Никифоровичем». В повести Н.В. Гоголя Агафья Федосеевна своими слухами мешала примирению двух друзей, в очерке Ф.В. Волховского «Жених» сватовству Елизар Елизаровича мешала экономка Федосья Ивановна. В отличие от Миргорода, слух в «Захолустье» Волховского не обладает объединяющим началом, как было в «Сорочинской ярмарке», где в результате «молва» помогла женитьбе, а выступает лишь негативным фактором, в частности, разрушая надежды на женитьбу главного героя или приводя к ссоре всего города.

Помимо склонности к сплетням, публицист приводил и другие характерные для местных жителей черты. Все персонажи в очерках, вбирая в себя жадность, скупость и другие пороки, становились сказочными куклами, растворяясь в провинциальном интерьере. Так, на именинах «мастодонты» поедали рюмки вместе с содержимым, а затем сплевывали стекло, отойдя в угол (СГ. 1883. № 18).

В очерках, обозначающих проблему «маленького человека», персонажи уже не были столь выпуклыми, превращаясь в привычных для проживающего в сибирском «Захолустья» людей: воров, спешащих по делам жителей, не желающих просыпаться врачей, ростовщиков, ухмыляющихся сидельцев и т.д. Ключевым для поздних очерков *Ranunculus* были не конкретные пороки, а человеческое безразличие. В материале «Человек бо есмь», следуя логике окружающих главного героя людей, Волховский обращался к читателю: «Если увидишь, читатель, подобную фигуру на улице, непременно посмейся над ней среди компании или общества, всегда жаждущего чего-нибудь новенького или смешного» (СГ. 1883. № 21).

Позитивная сторона города также раскрывается в героях очерков – добрые черты прослеживаются в каждом неспособном выжить в «Захолустье» «маленьком человеке». Так, последние деньги потратил на подарок своей подруге Наталье Сидоровне «измученный бедностью и лишениями» Кузьма Протасевич. Кроме того, именно он бесплатно играл и обучал на улице детей, за что их родители приносили ему продукты (СГ. 1883. № 13–14). Также позитивная сторона «Захолустья» проявлялась и в отношении к главным героям других простых людей. Например, среди всех «цилиндров» на улице останавливаются и дают милостыню Акульке и Ваньке пожилая женщина, просящая за нее помолиться, и простые рабочие, возвращающиеся с заработков:

«Вслед за ней вскоре прошли двое каких-то рабочих в старых полушубках и дырявых шапках.

– Ишь ты: ребята-то совсем заколели, заметил один из них.

– Это, брат, у нас в деревне как ни есть прокормили бы миром, а тут – вишь ты вот! отвечал другой.

– Подайте, дяденька, Христа ради... говорила Акулька, едва произнося слова, так как лихорадка не давала ей раскрыть рта.

– Дам, милая; как не дать: вишь ты как замерзла... На вот и тебе, молодец, на калачик» (СГ. 1884. № 30).

Таким образом, «Захолустье» в очерках публициста складывалось из сперва гротескного и сказочного, а затем реалистичного планов. Это связано с развитием творческой манеры публициста: аналогичную ситуацию можно было наблюдать и в фельетонном творчестве автора, стремящегося к большей публицистичности и отходу от буффонадных и гротескных беллетризованных текстов [17]. Рисуя образ сибирского города как глухой провинции, которую населяют люди с дикими нравами, в дальнейшем Волховский выводит на первый план безразличие людей друг к другу и невозможность проявления в таком обществе слабости. Единственную надежду Волховский в рамках народнической идеологии видел в простых людях, которым также нелегко живется в «Захолустье».

«Маленький человек»

Ключевым для поздних материалов Ф.В. Волховского под псевдонимом *Ranunculus* является образ «маленького человека». Впервые к образу публицист обращается в очерке «Забывший человек» (СГ. 1883. № 13–14). Автором описывается жизнь коллежского секретаря в отставке Кузьмы Протасевича, который, «бедный, как церковная крыса, жил в комнате вдовы отставного коллежского регистратора Натальи Сидоровны Шелуховой». Уже в первом очерке, в котором публицист обращается к образу, присутствует отсылка к произведениям столичных литераторов. Описывая главного героя, Ф.В. Волховский несколько раз акцентирует внимание на шинели:

«Потертая и измятая шапка с неуклюже-длинным козырьком, надетая до самых ушей, казалось каким-то коллаком, безобразно торчащим на его остриженной голове, а стоптанные сапоги, старая шинель и короткие брюки с заплатой на одной штанине очень красноречиво говорили о его финансовом положении. Одним словом, встретивши его на улице, вы сразу прочитали бы всю его немногосложную и невеселую жизнь» (СГ. 1883. № 13).

В отличие от гоголевской «Шинели», Ф.В. Волховский раскрывает главного героя не в сугубо материальном и прагматическом плане. Кузьма Протасевич собирает и откладывает деньги не для себя, не для обивки дырявой шинели, а для подарка своему другу – Наталье Сидоровне – позволяя в связи с «недугом» всех коллежских секретарей себе только покупку водки в трактире:

«Дружба между Кузьмой Протасевичем и Натальей Сидоровной была по истине изумительна... В неделю перед праздником, когда снуют взад и вперед лица разных сословий и званий от одной лавки к другой с узлами, коробками, свертками и проч... – в это время вы можете встретить дырявую шинель и засаленную шапку с большим козырьком Кузьмы Протасевича, смиренно пробирающимися по сторонам улицы с каким-нибудь свертком в руке. Очевидно, мысли его прикованы к чему-то хорошему, так как небритая физиономия светится затаенной радостью» (СГ. 1883. № 14).

Позже публицист описывал, чего стоило Кузьме Протасевичу приобретение – столкновения с «хо-

лодным взглядом» занимающего ему деньги продавца Савелия Фомиича. Ф.В. Волховский противопоставлял Кузьму Протасьевича гоголевскому Акакию Акакиевичу – причиной смерти главного героя очерка служит не материальное благо и связанная с ним надежда на признание в обществе, а потеря любимого им человека и друга. Как и гоголевский герой, Кузьма Протасьевич умирает, замерзнув на пороге дверей акушерки, после того, как врач отказался в позднее время помочь смертельно заболевшей Наталье Сидоровне.

Во многом очерк «Забытый человек» опирается в описании взаимоотношений Кузьмы Протасьевича и Натальи Сидоровны на повесть Н.В. Гоголя «Старосветские помещики». Ключевым отличием выступает то, что героиня гоголевского произведения – Пульхерия Ивановна – скоростижно умирает при мистических обстоятельствах, увидев смерть в вернувшейся кошке, а героиня очерка Ф.В. Волховского умирает от болезни, оставшись без помощи доктора. Таким образом, публицист помещал историю из помещичьей жизни в социальный и злободневный план.

Большая часть «Забытого человека» представляет собой описание жизни главного героя. Непосредственно действие начинается только в конце опубликованной в следующем номере части очерка. Описание позволяло публицисту ввести в очерк натуралистические подробности и раскрыть героя сразу в нескольких планах: как сломанного и пьющего водку старика, так и обучающего на улице детей и сохранившего доброту человека. Тем самым публицист отсылал к прошлому главного героя, который не всегда был чиновником:

«Кузьма Протасьевич принадлежал именно к той породе людей, для которых каким-то злым роком предначертывается почему-то попадать из куля в рождо и обратно, совершая такое путешествие в продолжении всего своего жизненного пути. Еще в года полной силы, когда канцелярщина и архивная пыль не сломили здоровье Кузьмы Протасьевича и не отупили его нравственно, он бросил службу, чтоб идти учителем в сельскую школу. Бог знает, что заставило его сделать такой решительный шаг, единственный в его жизни. Побудило ли его сознательное влечение к полезному труду или заговорило в нем чувство человеческого достоинства, попираемое насилием и произволом, но он ушел» (СГ. 1883. № 13).

Так автор описывал, как Кузьма Протасьевич «начал пить горькую»: в итоге «стер празднующегося чиновника» смотритель училищ, после чего тот стал заниматься клейкой бонбоньерок и картонажей. Таким образом, Ф.В. Волховский постоянно демонстрировал читателю, что жизнь героя сложилась так не по его вине, а в связи с обстоятельствами, которыми она была насыщена.

Описывая «жизнь бедняка», особенно в контрасте с местными «мастодонтами» из предшествующих очерков, Волховский показывал другого, живого, но бедного человека. Периодические публицист иронично извинялся перед читателями за «скудность» повествования, посвященного не гротескным сюжетам и жизни «простого смертного». В целом посвященные

«маленькому человеку» материалы были выстроены без характерного для Волховского комизма: наоборот, натуралистические описания жизни бедняков были призваны вызвать в читателях жалость и пробудить иные отношения к бедности, насыщали фабулу трагической интонацией.

Ключевой в рамках фабулы проблемой для публициста становилось человеческое безразличие, способное навредить слабому:

«– Это один старичок... Вас спрашивает: умирает кто-то.

– Умирает! Болван! Ты не мог остановить его на крыльце? Умирает, так я ничего уже не поделаю; надо было раньше. Пусть зовет попа...» (СГ. 1883. № 14).

К «Шинели» отсылал и очерк «Человек бо емь», начинающийся с эпиграфа из гоголевского произведения: «Оставьте меня; зачем вы меня обижаете...» (СГ. 1884. № 21). Данный очерк, представленный в одном номере издания, был сосредоточен не на главном герое, а на случившихся с ним перипетиях, представляя собой скорее иллюстрацию человеческого безразличия. Начинается очерк с описания ретушера Ильи Семеновича, брошенного работодателем-фотографом в незнакомом городе без возможности оплатить аренду квартиры:

«Холщовый, расстегнутый пиджак Ильи Семеновича свешивался по обе стороны убогого, прорванного стула, обнаруживая такую же жилетку, запачканную в краске. Гладко стриженная голова с маленькими, пристально смотрящими на недоумевающего мещанина, глазами, и с усами, торчащими вперед, то нагибалась к карточке, лежавшей на столе, то отделялась от нее, поворачиваясь к боку на бок. Глядя на эту фигуру с подогнутыми под стол ногами в старых брюках и сморщенных сапогах, видно было, что она совершенно ушла в свою работу и, казалось, забыла о существовании окружающих предметов и всего мира» (СГ. 1884. № 21).

Обращаясь к образу «маленького человека», Волховский отсылает к гоголевскому Акакию Акакиевичу, который также любил аккуратно выводить буквы, не отягощаясь духовной жизнью. Действие начинается с выдворения главного героя из арендованной фотографом квартиры. В дальнейшем злоключения набирают обороты: главный герой попадает в кабак и напивается; затем в квартире у знакомых над ним издеваются и выталкивают на улицу, где его грабят; в конце концов, Илья Семёнович просыпается с лихорадкой и не находит никакой помощи, обратившись в больницу.

Стоит отметить, что описание злоключений главного героя во многом взято из жизни сибирских городов – проблемы кабаков как рассадника преступлений, а также низкого уровня местной медицины, маленькие сборы средств на помощь бездомным находили отражение в новостных материалах почти каждого номера «Сибирской газеты».

Публицист показывал, что оказавшись в такой ситуации и столкнувшись с местными проблемами, Илья Семенович не знает, что ему делать – главный герой не готов к миру за пределами ретуши:

«Фигура эта была, видимо, чем-то занята, потому что была рассеяна и задумчива; она то и дело попадала под храпешую морду какой-то лошади, причем кучер кричал: “ей, ей, ты!” и сворачивал лошадь в сторону, едва не задевая по плечу изумленно оглядывающегося Илью Семеновича. То фигура Ильи Семеновича, углубленного в самого себя, наступала на шлейф дамы, совершенно не замечая своей ошибки даже после того, как дама останавливалась и возмущенно говорила: «послушайте! Вы можете идти боком или подальше. Вы оборвали мне все платье!» (СГ. 1884. № 21).

Заканчивается очерк, как и предыдущий, смертью главного героя в небольшом городском саду. Ключевым фрагментом финала очерка выступает обращение главного героя при смерти к людям: «Он глубоко вздохнул и произнес: «вы не знаете портного, а?.. А все мы люди, все братья... Мир...». Данный очерк представлял собой описание случайно оборванной жизни, не нашедшей в сибирском «Захолустьях» никакой поддержки. В очерках «Ranunculus» «маленькие люди» всегда оказывались в трагических ситуациях, не находя поддержки, в конце концов, погибали. Обращаясь к такой фабуле, Ф.В. Волховский ориентируется на читателей «Сибирской газеты», стремясь показать им происходящие рядом невзгоды.

В драматических финалах в очерках о «маленьком человеке» Ф.В. Волховский ориентировался на творчество Н.В. Гоголя только в выстраивании фабулы. В отличие от писателя, Ф.В. Волховский демонстрировал читателю финалы реалистичные, без фантастических интонаций, изменения статуса слова и использования ситуаций окаменения [22]. Реалистические и бессмысленные смерти главных героев без рефлексии и катарсиса отсылали к публицистическому наследию «Сибирской газеты» и были принципиальными – для Ф.В. Волховского важным было обозначить проблемы сибирского «Захолустья».

Наиболее выделяющимся среди других материалов *Ranunculus* очерком является «Отщепенцы от мира». Помимо измененного образа города, превращающегося в индустриальную мельницу, меняется и сама повествовательная манера – появляется голос рассказчика, дающий оценку происходящему:

«Новость об них не многосложна. Его звали Ванькой, а ее – Акулькой. Их жилище находилось вдали от городского шума, в квартале «старых бутырок» одного из видных Сибирских городов. Жилище это – было грязный угол в избе. Они не знали ни матери, ни отца, ни родины, ни Бога, ни отчества; они знали только грязную комнату, засиневшую от холода, где был у них свой угол с охалкой старой соломы, да сердитую “тетеньку”, пившую водку и колотившую их ежеминутно» (СГ. 1884. № 30).

Публицист в материале постоянно нагнетал атмосферу, описывая злоключения детей. Повествование начинается с «тетеньки», выгоняющей сирот просить милостыню, затем описывается сбор милостыни на улице в холод, отказ покормить их кучером, приста-

вания к Акульке, покупка водки, чтобы согреться, и вечный сон на морозе.

Таким образом, образ маленького человека представлялся перед читателем после очерков из жизни городских «мастодонтов», вступая с ними в контраст. Пустые внутри и живущие на широкую ногу местные «помпадурь» противопоставлялись Ф.В. Волховским образу «маленького человека», которого жизненные обстоятельства, в конце концов, привели к трагичной смерти. Аналогичным приемом публицист в рамках народнической идеологии пользовался и в фельетонном творчестве, противопоставляя самодуров, «котов» и «Кондратов» образам страдающего от них большинства, простых жителей Сибири – крестьян и рабочих, мелких мещан.

Особенности повествовательной манеры

Очерки Ф.В. Волховского во многом схожи с фельетонным творчеством публициста в «Сибирской газете». Для автора ключевой категорией является диалог: в очерках постоянно сталкиваются друг с другом различные персонажи, часто конфликтуя, а автор периодически обращается напрямую к читателям. Примером обращения автора к читателю может выступать очерк «Ссора»: «Но его пьяный язык мог только произнести: “Нне по закону!.. Прроттестую!..”, на что, как я уже сказал, к величайшему сожалению автора и читателей, никто не обратил должного внимания» (СГ. 1883. № 31).

В отличие от фельетонов, в очерках публицист использовал короткие высказывания, призванные акцентировать внимание читателей на авторском настроении. При этом, несмотря на использование обращений к читателям и обозначения собственного присутствия, в очерках не используется важнейший для творчества Ф.В. Волховского прием введения «литературных масок». *Ranunculus* является псевдонимом – образ рассказчика лишен конкретных характеристик, в материале отсутствуют прямые оценки и биографические вставки.

Очерки Ф.В. Волховского как сугубо художественные материалы, не опирающиеся на конкретные факты, но при этом освещающие в документальном ключе образы городской жизни, обладают большим количеством стилистических черт и литературных приемов, не лишенных конкретности. Так, характерные для публицистических фельетонов публициста аллюзии уступают место эпитетам и метафорам, диалогам и описаниям. Следующим образом выглядит описание улицы в очерке «Отщепенцы от мира»:

«Чем дальше стояли мои герои, тем шумнее и многолюднее становилось по улице и мосту. А они, оборванные и голодные, протягивали за милостыней дрожащие от холода руки и жадно глядели на теплые шубы прохожих, на корзины и кульки с провизией, на спокойные и раскрасневшиеся от холода лица и на весь этот житейский калейдоскоп, живущий мной жизнью и не знающий ни соломенной подстилки, ни костлявых рук сердитой тетеньки» (СГ. 1884. № 30).

Здесь же проявляется ключевой для автора в рамках народнической идеологии прием антитезы – противопоставление сытых и безразличных к бедам окружающих сибирских «хищников» и никому не нужных, лишенных тепла и уюта «маленьких людей». Автор описывал «маленьких людей» с теплотой, обращая внимание на различные детали – бедные одежды и шинели главных героев – но при этом выставлял в гротескном ключе внешний вид и повадки «цилиндров»:

«Это был тот самый Федул Прохорович, которого какой-то ученый немец-путешественник принял издали за сохранившийся еще в Сибири вид мастодонта, до этого считавшегося навеки исчезнувшим с лица земли... Теперь стоило бы только посмотреть на щеки Федула Прохоровича, набитые паштетом, как зоба птиц, на его бесстрастный взгляд, устремленный на кусок хлеба, случайно лежавший против него, как ясно можно было понять о совершенном спокойствии захолустья и отсутствия в нем всяких житейских треволений» (СГ. 1883. № 18).

Портрет занимает центральное место в очерках Ф.В. Волховского, отражающих жизнь как маленьких людей, так и местных «мастодонтов». Портреты в очерках, вслед за сатирической традицией Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина, всегда наделялись гипертрофированными чертами [23, 24]. Образ мастодонтов – чертами негативными, образы «маленьких людей» – чертами, характеризующими их выпадение из социума и невозможность вернуться назад. Интересным представляются параллели и взятые из гоголевских произведений детали: например, бородавки и лысина лице Елизар Елизаровича «срисованы» с образа Агафьи Федосеевны из «Старосветских помещиков».

Повествовательная манера разделялась в очерках Ф.В. Волховским на два пласта – описательный и событийный. Публицист вводил в материал многочисленные описательные фрагменты, позволяющие погрузить героя в сатирическую фабулу, представленную хаотичными событиями и реакциями, которая занимала большую часть текста.

Показательным примером здесь может выступить очерк «Человек бо есмь», где в первом номере автором (СГ. 1883. № 13) описывается жизнь главного героя; описательная часть занимает и большую часть материала в следующем номере газеты (СГ. 1883. № 14). Все действие, таким образом, стремительно разворачивается в последних абзацах, заканчиваясь смертью. Стоит отметить, что в этом плане очерки кардинально отличаются от фельетонов публициста – где события и реальные факты из уголков Сибири становились ключевым содержанием текстов.

Заключение

Таким образом, очерки Ф.В. Волховского под псевдонимом *Ranunculus* в «Сибирской газете» представлены двумя ключевыми тематическими пластами: образ «маленького человека» и описание людского

безразличия; а также сатирическое изображение «Захолустья» как собирательного образа Сибири, демонстрация нравов местных «помпадуров». В рамках целостного восприятия очерков Ф.В. Волховского эти направления вступали в конфликт: публицист создавал контраст между трагедиями местных «хищников» и «маленьких людей», мелкими склоками и чередой событий, приводящих героев к смерти.

В очерках *Ranunculus* ключевым является образ сибирского «Захолустья», складывающегося из гротескного и реалистического планов. Изначально публицист конструирует образ «Захолустья» как деревни и провинции со сказочными мотивами и персонажами, отсылающий к щедринскому городу Глупову и «городским» рассказам Н.В. Гоголя.

Рисуя образ сибирского города как глухой провинции, которую населяют люди с дикими нравами, в дальнейшем Волховский обозначает как ключевую проблему «Захолустья»: безразличие людей друг к другу и невозможность проявления в таком обществе слабости. Единственную надежду на изменения Волховский видит в простых людях, не потерявших человеческие черты.

Вторым ключевым для публициста мотивом является существование в «Захолустье» «маленького человека». Олицетворяющие внутреннюю пустоту образы «мастодонтов» противопоставляются Ф.В. Волховским образам не до конца потерявших духовные качества людям, которых жизненные обстоятельства, в конце концов, приводят к смертельному исходу. Волховский, рассказывая про сибирского «маленького человека», во многом ориентируется на гоголевские произведения, при этом демонстрируя существенное отличие между персонажами классика и своими героями, «шинелью» для которых является дружба.

В отличие от фельетонного творчества Ф.В. Волховского, очерки насыщаются публицистом описательными фрагментами. Ключевой отличительной чертой очерков, таким образом, становится искусственное «замедление» повествования, в том числе за счет отсутствия характерного для фельетонов обозначения мелких документальных фактов губернской жизни. Материалы под псевдонимом *Ranunculus* в большей степени похожи на фельетоны публициста под псевдонимом «В тиши расцветшего василька», который «умер от холода», уступив место публицистическим литературным маскам. Также отсылает к такой преемственности перевод псевдонима (*Ranunculus* с латинского переводится как «лютик»).

Опираясь на произведения Н.В. Гоголя, Волховский смог создать собственный образ Сибири, который при этом не терял публицистичности, а наоборот возводил обозначаемые проблемы до литературного, художественного обобщения. Реальность в материалах Ф.В. Волховского превращалась в мифологизированную, раскалывающуюся под воздействием сказочных образов, гротеска, вкрапления в сибирский материал абсурдной канвы повествования.

Список источников

1. Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2: вторая половина XIX века. Л. : ЛГУ, 1965. 516 с.
2. Старых А.В. Становление фельетона в русской провинциальной частной газете: газета «Оренбургский Листок» 1876–1879 гг. : дис. ... канд. филол. наук. 2010. 168 с.
3. Жилиякова Н.В. Специфика цензурного надзора за частной периодической печатью Томска конца XIX века // Вестник НГУ. История, филология. 2020. № 6. С. 21–32.
4. Жилиякова Н.В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. С. 18–65.
5. Мазуров А.Е. Зарождение информационных жанров в частной сибирской периодике конца XIX века // Медиаисследования 2020. Барнаул : Изд.-во АлтГУ, 2020. С. 171–179.
6. Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.
7. Андреев Б.М. О журналистской деятельности предшественников социал-демократии (ссылных народников в Сибири в 70–80 гг. XIX века) // Журналистика в Сибири. Иркутск : Изд.-во Иркут. ун-та, 1972. С. 75–85.
8. Круссер Р.Г. Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. 1978. № 3. С. 72–79.
9. Круссер Р.Г. Общественно-политическая и научно-просветительская роль народнической ссылки в Сибири (70-е – начало 90-х годов XIX века) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971. 359 с.
10. Рощевская Л.П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф.В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень : Изд.-во Тюмен. гос. пед. ин-та, 1966. С. 51–69.
11. Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л. : Изд. ЛГУ, 1983. 177 с.
12. Рощевская Л.П. Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты». // Вопросы истории и теории литературы. Научные труды Тюменского государственного университета. № 14. Тюмень, 1975. С. 84–95.
13. Ямпольский И.Г. К библиографии Ф.В. Волховского // Ученые записки Ленинградского университета, № 349. Серия филологических наук, вып. 74. Русская литература и народничество. Л., 1971. С. 184–190.
14. Жилиякова Н.В. «Обличать, колоть и жалить»: Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века. Томск, 2020. 386 с.
15. Жилиякова Н.В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.
16. Мазуров А.Е. Фельетоны Ф. В. Волховского (Ивана Брута) в «Сибирской газете» // Сюжетология и сюжетография. № 2. Новосибирск, 2020. С. 78–89.
17. Мазуров А.Е. «Цикл фельетонов «Сибирский музей» «Консерватора» (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1884–1885 гг.)» // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 82–95.
18. Жилиякова Н.В. Русская классика в рецепции «Сибирской газеты» (г. Томск, 1881–1888) // Медиаскоп: электронный журнал. М., 2012. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000442819>
19. Мазуров А.Е. Документальная основа и работа с фактами в фельетонах Ф.В. Волховского (на примере публикаций 1882–1884 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 469. С. 22–25.
20. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 820. «Дело о польском политическом ссыльном Ф.В. Волховском».
21. Ефремычева Е.А. Мотивы молвы в «Миргороде» Гоголя: между привычным и чрезвычайным // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. № 4. С. 37–83.
22. Бочаров С.Г. Два ухода: Гоголь, Толстой // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 9–35.
23. Гурович Н.М. Портрет персонажа в структуре эпического произведения: «гротескный» и «классический» типы: на материале романов Н.В. Гоголя «Мертвые души» и М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 190 с.
24. Денисов В.Д. Граду и миру: о сборнике Н.В. Гоголя «Миргород» (1835) // Культура и текст. № 4. СПб., 2016. С. 14–33.

References

1. Yevgen'yev-Maksimov, V.Ye. et al. (eds) (1965) *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki* [Essays on the History of Russian Journalism and Criticism]. Vol. 2. Leningrad: Leningrad State University.
2. Starykh, A.V. (2010) *Stanovlenie fel'etona v russkoy provintsial'noy chastnoy gazete: gazeta "Orenburgskiy Listok" 1876–1879 gg.* [The formation of the feuilleton in the Russian provincial private newspaper: the Orenburgskiy Listok newspaper of 1876–1879]. Philology Cand. Diss. Orenburg.
3. Zhilyakova, N.V. (2020) *Spetsifika tsenzurnogo nadzora za chastnoy periodicheskoy pechat'yu Tomskaya kontsa XIX veka* [The specifics of censorship oversight of the private periodicals of Tomsk at the end of the 19th century]. *Vestnik NGU. Istoriya, filologiya*. 6. pp. 21–32.
4. Zhilyakova, N.V. (2002) *"Sibirskaya gazeta", g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavlenie literaturnogo regionalizma* [Sibirskaya Gazeta, Tomsk, 1881–1888, as a phenomenon of literary regionalism]. Philology Cand. Diss. Tomsk. pp. 18–65.
5. Mazurov, A.E. (2020) *Zarozhdenie informatsionnykh zhanrov v chastnoy sibirskoy periodike kontsa XIX veka* [The emergence of information genres in private Siberian periodicals of the late 19th century]. In: Semilet, T.A. & Fotiyeva, I.V. (eds) *Mediassledovaniya 2020* [Media Research 2020]. Barnaul: Altai State University. pp. 171–179.
6. Domanskiy, V.A. (1996) F.V. Volkhovskiy – neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovskiy, the unspoken editor of the Sibirskaya Gazeta]. In: Kol'chuzhkin, E. (ed.) *Russkie pisateli v Tomске* [Russian Writers in Tomsk]. Tomsk: Vodolei. pp. 147–167.
7. Andreev, B.M. (1972) O zhurnalistskoy deyatelnosti predshestvennikov sotsial-demokratii (ssyl'nykh narodnikov v Sibiri v 70–80 gg. XIX veka) [On the journalistic activities of the predecessors of social democracy (exiled populists in Siberia in the 1870s–1880s)]. In: Zabelin, P.V. (ed.) *Zhurnalistska v Sibiri* [Journalism in Siberia]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 75–85.
8. Krusser, R.G. (1978) Neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [The unspoken editor of the Sibirskaya Gazeta]. *Ogni Kuzbassa*. 3. pp. 72–79.
9. Krusser, R.G. (1971) *Obshchestvenno-politicheskaya i nauchno-prosvetitel'skaya rol' narodnicheskoy ssylki v Sibiri (70-e – nachalo 90-kh godov XIX veka)* [Socio-political and scientific and educational role of populist exile in Siberia (1870s – early 1890s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
10. Roshchevskaya, L.P. (1966) Poet vol'noy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F.V. Volkhovskogo) [A poet of the free press in Siberian exile (to the 120th anniversary of the birth of F.V. Volkhovskiy)]. In: Polonskiy, L.V. (ed.) *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury* [Issues of Studying and Teaching Literature]. Tyumen: Tyumen State Pedagogical University. pp. 51–69.
11. Roshchevskaya, L.P. (1983) *Revolutsionery-raznochintsy v zapadnosibirskom izgnanii* [Revolutionary Raznochintsy in West Siberian Exile]. Leningrad: Leningrad State University.
12. Roshchevskaya, L.P. (1975) F.V. Volkhovskiy – sotrudnik "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovskiy, an employee of Sibirskaya Gazeta]. *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauchnye trudy Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 84–95.
13. Yampol'skiy, I.G. (1971) *K bibliografii F.V. Volkhovskogo* [To the bibliography of F.V. Volkhovskiy]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta*. 349-74. pp. 184–190.

14. Zhilyakova, N.V. (2020) "Oblichat', kolot' i zhalit'": *Satiricheskaya zhurnalistika Tomskaya kontsa XIX – nachala XX veka* ["Reveal, Stab and Sting": Satirical journalism of Tomsk in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Zhilyakova, N.V. (2008) [Between literature and journalism: feuilletons by F.V. Volkhovsky in the Sibirskaya Gazeta]. *Amerikanskii idei i kontseptsii v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Sibiri i prepodavanii v sredney i vysshey shkole* [American Ideas and Concepts in Humanitarian Research by Siberian Scientists and Teaching in Secondary and Higher Schools]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tomsk. 18–19 October 2007. Tomsk: Tomsk State University. pp. 333–345. (In Russian).
16. Mazurov, A.E. (2020) Fel'etonov F.V. Volkhovskogo (Ivana Bruta) v "Sibirskoy gazete" [Feuilletons by F.V. Volkhovsky (Ivan Brut) in the Sibirskaya Gazeta]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 78–89.
17. Mazurov, A.E. (2021) Tsikl fel'etonov "Sibirskiy muzey" "Konservatora" (F.V. Volkhovskogo) v "Sibirskoy gazete" (1884–1885 gg.) [The cycle of feuilletons "The Siberian Museum" by the "Conservator" (F.V. Volkhovsky) in the Sibirskaya Gazeta (1884–1885)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2. pp. 82–95.
18. Zhilyakova, N.V. (2012) Russkaya klassika v retseptsi "Sibirskoy gazety" (g. Tomsk, 1881–1888) [Russian classics in the reception of the Siberian Newspaper (Tomsk, 1881–1888)]. *Mediaskop: elektronnyy zhurnal*. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000442819>.
19. Mazurov, A.E. (2021) Dokumental'naya osnova i rabota s faktami v fel'etonakh F.V. Volkhovskogo (na primere publikatsiy 1882–1884 gg.) [Documentary basis and work with facts in feuilletons by F.V. Volkhovsky (on the example of publications of 1882–1884)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University of Philology*. 469. pp. 22–25.
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 4. File 820. *Delo o pol'skom politicheskom ssyl'nom F.V. Volkhovskom* [The case of the Polish political exile F.V. Volkhovsky].
21. Efremycheva, E.A. (2014) Motivy molvy v "Mirgorode" Gogolya: mezhdru privychnym i chrezvychaynym [Motifs of rumor in Gogol's Mirgorod: between the habitual and the extraordinary]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 4. pp. 37–83.
22. Bocharov, S.G. (2011) Dva ukhoda: Gogol', Tolstoy [Two Departures: Gogol, Tolstoy]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 9–35.
23. Gurovich, N.M. (2009) *Portret personazha v strukture epicheskogo proizvedeniya: "grotesknyy" i "klassicheskiy" tipy: na materiale romanov N.V. Gogolya "Mertvye dushi" i M.Yu. Lermontova "Geroy nashego vremeni"* [Portrait of a character in the structure of an epic work: "grotesque" and "classical" types: based on the novels by N.V. Gogol "Dead Souls" and M.Yu. Lermontov "Hero of our time"]. Philology Cand. Diss. Moscow.
24. Denisov, V.D. (2016) Gradu i miru: o sbornike N.V. Gogolya "Mirgorod" (1835) [To the city and the world: about the Mirgorod (1835) collection by N.V. Gogol]. *Kul'tura i tekst*. 4. pp. 14–33.

Информация об авторе:

Мазуров А.Е. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.E. Mazurov, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.08.2022;
одобрена после рецензирования 04.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.*

*The article was submitted 09.08.2022;
approved after reviewing 04.10.2022; accepted for publication 28.11.2022.*